

Лошадь

(Воспоминания очевидца о первом годе нахождения спецпереселенцев крымских татар в Марийской АССР, выселенных в мае 1944 г. из Крымской АССР)

Д. Куртсеитов

Статья была опубликована в газете «Янъы дюнъя» («Новый мир») № 20–21 (185–186) 18 мая 1994 года в г. Симферополе на крымско-татарском языке. В номере, посвященном трагической дате в истории крымско-татарского народа – 50-летию памяти жертв изгнания с родной земли.

Шел первый год нашего нахождения в местах спецпоселений, быстро прошло лето, наступила осень, приближалась зима. Местные начальники, руководившие вырубкой леса на лесоучастках, видя наше состояние, все как один пугали суровой зимой этих мест и говорили: «Не выживете, все как один помрете». Все это еще сильнее усиливало и без того имевшийся в нас страх. Первая зима для нас, спецпереселенцев, прибывших весной 1944 года из Крыма, оказалось очень суровой, хотя температура и не опускалась до 60 градусов, как нас пугали местные жители, но зима сделала свое черное дело.

Еще осенью битком забитые спецпереселенцами и напоминающие рыбную бочку бараки, к весне значительно опустели из-за умерших от голода и болезни людей и представляли собой унылую картину.

Частые холодные дожди ранней весны 1945 г., растаявшие сугробы вокруг бараков заполнили водой все пространство и превратили его в настоящее болото. Окружающая нас природа постепенно оживала, на деревьях набухали почки, весеннее солнце стало греть теплее. К этому времени все, у кого были более-менее ценные вещи, уже давно обменяли у местного населения на картофель, который также давно уже был съеден.

Многим спецпереселенцам при выселении не дали взять с собой самое необходимое, не говоря о теплых вещах. Ранним утром 18 мая 1944 года в каждый дом, где проживали крымские татары, прикладами автоматов стучались солдаты войск НКВД. Всех подымали с постелей, детей, стариков, лежащих больных, зачитывали им постановление ГКО СССР от 11 мая 1944 года о выселении и давали пятнадцать минут на сборы, часто и это время сокращали. Мужчины-военнообязанные все были призваны в Красную армию и воевали на фронтах. Все достигшие за время войны призывного возраста и кто по разным причинам не был мобилизован в армию в 1941 году, после освобождения Крыма в 1944 году были призваны и направлены в трудовую

армию. В семьях не было мужчин. Матери, особенно многодетные, за 15 минут должны были собрать детей, стариков, многие не понимали что происходит. В нашей семье было восемь детей, отец Аблямит Куртсеитов был инвалидом Первой мировой войны, участником знаменитого «Брусиловского прорыва», во время которого был тяжело ранен, имел награду. До этого несколькими месяцами раньше, в декабре 1943 года, немецкие оккупанты сожгли полностью нашу деревню Ени-Сарай, как и другие села, за помощь партизанам. Все наше имущество сгорело, жили у родственников в разных селах.

Привыкшие за время оккупации к расстрелам и уничтожениям, люди думали о самом худшем. Брала с собой Коран и молились. Ведь еще вчера все с радостью встречали солдат освободителей, угощали их тем, что было.

После весны 1944 года прошел почти год. Голод забирал все больше и больше человеческих жизней. В длинных деревянных бараках населенного пункта «12 километр» Суслонгерского леспромхоза Марийской АССР были слышны глухие стоны умирающих стариков, плач голодных детей. Умерших хоронили на том месте, на которое указал комендант. Это было сырое песчаное место, где вырыть нормальную могилу не представлялось возможным, через полметра начинала проступать вода. Хоронили покойников без савана, читались только молитвы, стариками у которых еще были силы. Трупы предьявлялись в обязательном порядке представителям комендатуры, которая вела надзор, учет и следила за тем, чтобы спецпереселенцы не покидали этот самый настоящий лагерь, где до нас содержали немецких военнопленных, бараки были обнесены колючей проволокой, по углам со времен немецкого лагеря стояли сторожевые вышки.

Жителями бараков «12 километра» были выходцы из разных сел и районов Крыма. При выселении наш состав долго стоял на станции Сеитлер. Видимо, он был одним из последних, поэтому его забивали людьми, которых вылавливали в разных местах. В него бросали инвалидов войны, которые тянулись в родные села после освобождения Крыма, как наш дядя Бенсеит Ягъев, служивший в авиации, приехавший из госпиталя 17 мая, а 18 мая вместе со всеми был брошен в вагон для перевозки скота нашего состава. Как стало известно позже, большая часть спецпереселенцев крымских татар была выселена в Среднюю Азию и лишь небольшая часть на Урал, и мы оказались в их числе.

Жизнь бесправных спецпереселенцев была очень тяжелой. Скучный хлебный паек для работающих, а для иждивенцев в два раза меньше. В семьях было много детей и других непригодных к работе. Чтобы выжить в этих трудных условиях, дети-подростки работали вместе со взрослыми. В нашем бараке жила женщина по имени Шейде из села Семен Карасубазарского района (мужа расстреляли по решению тройки во время коллективизации, впоследствии его реабилитировали). Она вставала утром раньше всех, бежала к роднику, который находился на приличном расстоянии, набирала аккуратно кружкой ведро воды, накрывала его передником и таким образом приносила воду сыну Абдураману 16–17 лет, который с детства не мог пить мутную воду. Все остальные жители, брали воду из речки, которая протекала рядом с бараками и была достаточно мутной.

Как и каждое утро, тетя Шейде, взяв ведро, направилась к роднику, подходя к железнодорожному переезду, увидела, что на обочине полотна лежит сбитая паровозом лошадь, внутренности которой были вывалены. Забыв про воду, она

прибежала в барак и начала кричать: «Люди на переезде лежит сбитая ночью паровозом лошадь». Эта новость молниеносно разлетелась по всем шести баракам. Вооружившись топорами (все работоспособные работали на лесоповале, грузили лес на вагоны, подростки работали сучкорубами), ножами, у кого что было под рукой, жители барачков побежали к лошади, это был подарок судьбы, надежда на выживание. Лошадь оказалась немецкой, трофейной, большой, без хвоста (их использовали на работах в лесу). Пока мы, дети, подростки, прибежали к лошади, те, кто первым оказались у лошади, успели отрезать самые хорошие куски мяса. Над тушей лошади работали всем, чем придется, это напоминало муравейник. Через полчаса, на месте где лежала большая лошадь, уже ничего не было. Все, кому что удалось отрезать, несли к баракам. Уже забывшие за год вкус мяса, голодные люди стали быстро разводить костры и варить мясо в приспособленной для этого посуде. Все это напоминало стихию, которая могла закончиться ничем. Наши старики, которые всегда подходили к делу взвешенно и обдуманно, решили этот процесс организовать с пользой для всех.

Один из старейшин Чалбаш Билял обратился к людям: «Народ, остановитесь! Не торопитесь нам необходимо сейчас все мясо спрятать в лесу, с часу на час ожидается приезд коменданта. Мы останемся без мяса, этот божий дар можем упустить. Тем более, мы не знаем, чья эта лошадь». Люди с большой неохотой подчинились слову старейшины, и начали уносить мясо в лес, где его надежно спрятали.

Действительно, через некоторое время приехал комендант и сопровождающий его вооруженный конвой. Старшие по баракам доложили о численности своих жителей. Старшая по нашему барачку, бывшая учительница тетя Нурие, также отчиталась о своих подопечных. К счастью, комендант куда-то торопился и вскоре он со своей командой удалился.

Коменданты спецпоселений в большинстве своем были людьми жестокими, о них всегда очень плохо отзывались, детей пугали словами: «Будешь плакать – комендант придет». Замершие при проверке жители барачков вновь оживились. После отъезда коменданта все мясо вынесли из леса и под руководством старейшин Чибереки Ильяс-ага, Чалбаш Билял-оджа (учитель), Сулейман-ага поделили между жителями барачков в соответствии с численностью жителей, с учетом тех, кто находился на рабочей смене или отсутствовал по другим причинам. Перед каждым барачком развели костры и начали варить мясо в имеющихся кастрюлях, ведрах и другой посуде. Запах варящегося мяса буквально кружил головы. Сухие поленья горели хорошо, самые нетерпеливые пытались попробовать не сварившееся мясо, утверждая, что горячее сырым не бывает.

Лошадь, несмотря на свою величину (не меньше полутонны), оказалась молодой, мясо через пару-тройку часов быстро сварилось. Сварили все, что можно сварить, поделили всем поровну. Билял-ага вел тайно учет всех, кого сюда привезли из Крыма, кто уже умер, и поэтому знал численность жителей каждого барака. До обеда все мясо было уже съедено, после трапезы, как принято у нас, совершили молитву. После этого убрали вокруг барачков все, что напоминало о лошади. Куски шкуры разобрали на обувь.

После такого нежданного пиршества, пришло насыщение, люди успокоились, появилась вера в то, что выживут, то есть доживут до спасительного лета. Одновременно с этим думающие люди стали задавать себе вопросы: «Откуда

взялась эта лошадь? Как она сюда попала? Кому она принадлежала?» И вместе с этими вопросами новая волна внутреннего страха стала искать ответы на них. И развязка не стала себя долго ждать. После обеда перед бараками появились двое военных, которые искали потерявшуюся лошадь.

Один из них был постарше, круглолицый, смуглый, с густыми черными усами, узковатыми глазами, второй был выше ростом и светлый, лет ему было 25–30. Они были из воинской части, которая располагалась недалеко от нас. Военные стали расспрашивать людей о пропавшей лошади, называть приметы. Стало ясно, что именно эта лошадь была сбита ночью паровозом. Все молчали. Появление солдат ничего хорошего не сулило, при первом подозрении они могли обратиться к коменданту, и все закончилось бы очень печально. Комендант бы вывернул всех на изнанку, и многие получили бы тюремные сроки, хотя и положение спецпереселенцев ничем не отличалось от положения заключенных. Все усугублялось тем, что спецпереселенцы являлись представителями одной национальности, вся вина их заключалась только в этом.

Видя то, что все это может принести очень плохие последствия, старейшины стали общаться с военными. Стали искать общий язык в прямом и переносном смысле, военные оказались башкирами по национальности, старшего звали Зекки, а младшего Фатхи. Их язык оказался близким к языку татар Поволжья, к которому мы также в течение года стали привыкать. Старейшины рассказали о том, как все произошло, признали свою вину и попросили снисхождения. Рассказали о том, как мы оказались в этих лесах, как много умерших от голода и болезней, что здесь в основном женщины, дети, старики и инвалиды, что мужчины воюют на фронтах и скоро они вернуться. Доживем ли мы до их возвращения или нет, мы не знаем.

Билял-оджа, всю жизнь проработавший учителем, чудом избежавший репрессий 30-х годов, умудренный жизненным опытом, объяснил всю сложность нашего положения. Он обратился от имени всех жителей бараков к военным с просьбой не докладывать коменданту о случившемся. Выслушав внимательно длинную и искреннюю речь Билял-оджа, военные смягчились, появилось понимание и сострадание. Человеческая доброта взяла вверх.

Старший из военных, Зекки, сказал: «Что случилось, то случилось, не переживайте сильно, пусть Аллах сохранит вас от худшего. Я возьму ответственность на себя». Военные положили в вещмешок копыта с подковами, еще кое-какие несъедобные места для отчета перед своим начальством и удалились в расположение своей воинской части. Благодаря благородству двух этих бойцов из Башкирии, мы избежали многих неприятностей, а благодаря посланному всевышним дару сотни людей избежали голодной смерти. После разрешения этой проблемы жители бараков стали читать все знающие ими молитвы, благодарить всевышнего за то, что на земле много есть хороших людей.

Этот, один из эпизодов трагической судьбы крымско-татарского народа времен высылки и нахождения в местах спецпоселений, был записан мною в черновом варианте в 1954 году в населенном пункте-лагере «12 километр» Суслонгерского леспромхоза Марийской АССР. В декабре 1993 года в Крыму, в селе Аргын (Балки) переписан набело и отправлен в редакцию газеты.